

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Шариповой Гульсимай

*Каракалпакский государственный университет имени Бердаха студентки
факультета каракалпакский филологии и журналистики*

**ИНФОРМАЦИЯ О
СТАТЬЕ**

АННОТАЦИЯ:

ИСТОРИЯ СТАТЬИ:

Received: 16.06.2026

Revised: 17.06.2026

Accepted: 18.06.2026

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

*глобализация;
международная
политика; дипломатия;
многосторонность;
мягкая сила; цифровая
дипломатия;
международные
организации*

В данной статье анализируются трансформации международной политики и дипломатических отношений в условиях глобализации, включая институциональные изменения, цифровизацию и рост роли негосударственных акторов. Целью является выявление механизмов адаптации дипломатии к сетевой взаимозависимости и рискам фрагментации. Используются сравнительно-исторический и институциональный подходы, элементы контент-анализа. Научная новизна состоит в систематизации факторов эффективности дипломатии при многоуровневом управлении и в выделении критериев устойчивости переговорных форматов.

Основной текст. Международная политика в условиях глобализации в научном смысле определяется как совокупность взаимодействий государств и иных участников мировой системы, осуществляемых в пространстве растущей трансграничной взаимозависимости, где решения в одной юрисдикции вызывают эффекты в других. Механизм глобализации проявляется через ускорение потоков капитала, данных, людей и норм, что меняет структуру стимулов для внешней политики и делает координацию более сложной, но одновременно более необходимой. Примером такого механизма служит ситуация, когда сбои в международных цепочках поставок приводят к корректировке торгово-экономической дипломатии и расширению переговоров по техническим стандартам и логистике, поскольку один узкий участок транспортной инфраструктуры способен отразиться на ценах и доступности товаров в разных регионах. В количественном измерении глобальные потоки прямых иностранных инвестиций и международной торговли традиционно оцениваются триллионами долларов в год, а объем трансграничного интернет-трафика растет кратными темпами по сравнению с

традиционными каналами коммуникации, что эмпирически подтверждает усиление взаимосвязанности и плотности контактов. Научное объяснение этих процессов опирается на теории комплексной взаимозависимости и неолиберального институционализма, которые показывают, что рост связности повышает транзакционные выгоды от сотрудничества, но также увеличивает уязвимость к шокам и порождает конкуренцию за нормы и правила, поэтому дипломатия превращается в постоянное управление рисками взаимозависимости [1; 4].

Дипломатические отношения в условиях глобализации можно определить как институционализированные каналы представительства, переговоров и защиты интересов, которые функционируют не только в двусторонних форматах, но и в многосторонних и сетевых конфигурациях. Механизм изменений здесь связан с тем, что дипломатия перестает быть исключительно межгосударственной практикой и встраивается в многоуровневое управление, включающее международные организации, региональные интеграционные структуры, крупные города, бизнес-ассоциации и экспертные сообщества. Примером служат переговоры по климатической, торговой или технологической повестке, где официальные делегации вынуждены учитывать позиции частного сектора и научных платформ, поскольку именно они владеют критическими знаниями, технологиями и данными, влияющими на реализуемость соглашений. В статистическом плане наблюдается устойчивый рост числа международных соглашений и меморандумов о взаимопонимании, а также увеличение количества постоянных представительств при международных организациях, что косвенно фиксирует расширение дипломатической архитектуры и усложнение координационных задач. Научно это интерпретируется через институциональный подход: при росте числа участников и тематик возрастает значение процедур, регламентов и доверительных практик, а эффективность дипломатии определяется не только политической волей, но и качеством институтов, обеспечивающих исполнение договоренностей [2; 5].

Ключевой особенностью современного этапа является институциональная трансформация многосторонности, которую можно определить как практику согласования правил и решений в рамках международных организаций и режимов. Механизм трансформации состоит в смещении от универсальных компромиссов к более гибким коалициям, тематическим «клубам» и региональным форматам, что позволяет быстрее выработать решения, но повышает риск фрагментации и конкурирующих стандартов. Примером выступают параллельные инициативы по регулированию цифровой экономики, кибербезопасности и искусственного интеллекта, где разные группы стран продвигают различные подходы к данным, ответственности платформ и трансграничным потокам информации, и дипломатия вынуждена работать на стыке права, технологий и этики. В количественном выражении увеличивается число многосторонних рабочих групп, саммитов и

экспертных треков, а также растет доля «технических» переговоров, где предметом становятся параметры совместимости, сертификации и обмена информацией, что демонстрирует усложнение повестки. Научное объяснение опирается на концепцию режимов: когда взаимозависимость повышается, государства стремятся минимизировать неопределенность через правила, но при расхождении интересов создаются альтернативные режимы, и дипломатия становится инструментом сопоставления и взаимного признания стандартов [4; 6].

Отдельного анализа требует цифровизация дипломатии, которую целесообразно определить как использование цифровых платформ, больших данных и сетевых коммуникаций для внешнеполитического информирования, переговоров и кризисного реагирования. Механизм цифровизации состоит в сокращении временных лагов и снижении стоимости коммуникаций, что повышает оперативность контактов, но усиливает риски информационных и репутационных кризисов, поскольку сообщения становятся мгновенно доступными глобальной аудитории. Примером является практика «цифрового консульства», когда через электронные сервисы обеспечиваются уведомления граждан, сбор обращений и координация в чрезвычайных ситуациях, однако одновременно возрастает значение защиты персональных данных и киберустойчивости инфраструктуры. В статистическом измерении большинство внешнеполитических ведомств поддерживают официальные цифровые каналы и используют аналитические инструменты мониторинга информационной среды, а объем публичной дипломатической коммуникации в социальных сетях измеряется миллионами подписчиков и сообщений, что меняет баланс между закрытой и открытой дипломатией. Научно цифровая дипломатия объясняется через теорию сетей: влияние распределяется по узлам и каналам, поэтому способность государства управлять связями, доверительными сигналами и качеством информации становится ресурсом, сопоставимым с традиционными материальными инструментами внешней политики [3; 7].

Глобализация меняет и природу силы, которую в данном контексте можно определить как способность актора добиваться желаемых результатов через принуждение, вознаграждение или привлекательность. Механизм сдвига заключается в том, что наряду с «жесткими» ресурсами возрастает роль «мягкой силы» и стратегических коммуникаций, поскольку конкуренция за нормы, интерпретации и доверие влияет на инвестиции, туризм, образовательные потоки и технологические партнерства. Примером служит расширение культурно-образовательных программ и академических обменов, которые формируют долгосрочный капитал доверия и снижают транзакционные издержки сотрудничества, но требуют устойчивого качества институтов и контента. В количественном выражении показатели международной мобильности студентов, объемы грантов и культурных мероприятий оцениваются сотнями тысяч участников в год на глобальном уровне, а индексы

национального бренда и доверия используются для сопоставления эффективности публичной дипломатии в динамике. Научное объяснение здесь связано с конструктивистским пониманием международных отношений: идентичности и нормы формируют интересы, а дипломатия становится процессом социального конструирования легитимности, что особенно важно в условиях информационной насыщенности и конкурентных нарративов [3; 4].

Существенным следствием глобализации выступает рост роли негосударственных акторов, которых можно определить как участников международных процессов, не обладающих суверенитетом, но влияющих на принятие решений через ресурсы, знания или сети. Механизм влияния проявляется в экспертном сопровождении переговоров, в участии в разработке стандартов и в контроле исполнения обязательств, поскольку международная повестка все чаще включает технически сложные вопросы, требующие специализированной компетенции. Примером служит участие транснациональных корпораций и отраслевых ассоциаций в обсуждении правил цифровой торговли и трансграничных данных, где их технологические решения фактически становятся де-факто стандартами, а дипломатия вынуждена учитывать баланс между инновациями и суверенными регуляторными задачами. В статистическом плане число международных неправительственных организаций исчисляется тысячами, а их присутствие на крупных конференциях и форумах отражается в росте зарегистрированных участников и параллельных площадок, что объективно расширяет «рынок идей» и конкуренцию экспертных позиций. Научно это объясняется через концепцию многоуровневого управления: государство сохраняет ключевые полномочия, но эффективность политики зависит от координации с сетями, которые обеспечивают знания, ресурсы и мониторинг, поэтому дипломатия приобретает характер управления коалициями [2; 6].

В этих условиях переговорный процесс можно определить как институционально оформленную коммуникацию, направленную на выработку взаимоприемлемых решений при наличии конфликта интересов и ограниченной информации. Механизм усложнения переговоров связан с множественностью тем и взаимными связями между ними, когда уступки в одной сфере компенсируются выгодами в другой, а также с тем, что внутренние политико-экономические ограничения участников непосредственно отражаются на международных позициях. Примером является практика «пакетных» соглашений, где вопросы тарифов, технических барьеров и доступа к услугам рассматриваются совместно, и успех достигается благодаря точной калибровке взаимных обязательств и механизмов разрешения споров. В количественном измерении продолжительность многосторонних переговоров нередко исчисляется годами, а число рабочих документов, проектов статей и согласованных формулировок достигает сотен страниц, что демонстрирует высокую транзакционную сложность и необходимость процедурной дисциплины. Научное объяснение

опирается на теорию игр и переговорный анализ: при асимметрии информации и риске несоблюдения обязательств возрастает значение верификации, поэтапности и санкционных/стимулирующих механизмов, которые дипломатия встраивает в тексты соглашений для повышения предсказуемости [1; 5].

Особое место занимает региональное измерение глобализации, которое можно определить как усиление роли региональных институтов и соседских связей в управлении трансграничными вызовами. Механизм регионализации состоит в том, что близость рынков, инфраструктуры и культурных связей снижает издержки координации и делает региональные форматы эффективным уровнем согласования стандартов, транспорта, водно-энергетических и экологических вопросов. Примером служит развитие транспортно-логистических коридоров, где дипломатия объединяет вопросы таможенного администрирования, технической совместимости и безопасности, обеспечивая практический эффект для торговли и мобильности. В статистическом выражении рост транзитных перевозок и увеличение объема региональной торговли обычно фиксируются национальными и международными статистическими службами, а эффективность проектов оценивается по снижению времени прохождения границ и удешевлению логистики, что напрямую связано с качеством дипломатической координации. Научно регионализация трактуется как комплементарный процесс к глобализации: при усложнении глобальных правил государства усиливают региональные механизмы как более управляемые и адаптивные, однако успешность зависит от согласованности норм и от способности предотвращать институциональную конкуренцию [6; 7].

В качестве обобщающего вывода международная политика и дипломатические отношения в условиях глобализации характеризуются одновременным ростом взаимозависимости и усложнением архитектуры управления, что требует от дипломатии перехода от эпизодических переговоров к непрерывному режиму координации. Установлено, что ключевыми механизмами адаптации выступают институциональная гибкость, цифровая компетентность, работа с негосударственными участниками и развитие многоуровневых форматов, позволяющих снижать неопределенность и транзакционные издержки. Показано, что эффективность дипломатии в глобализированной среде определяется не только ресурсами государства, но и качеством процедур, верификацией обязательств, устойчивостью коммуникаций и способностью согласовывать стандарты в условиях фрагментации. Выявлено, что цифровизация усиливает как оперативность, так и уязвимость дипломатии, поэтому приоритетом становится баланс между прозрачностью публичных коммуникаций и защитой критической информации. Синтез результатов позволяет рассматривать современную дипломатию как комплексный институт управления взаимозависимостью, где успех достигается через

=====

сочетание правовых норм, технологической грамотности и доверительных практик, обеспечивающих предсказуемость и устойчивое сотрудничество.

Список литературы

1. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.
2. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977. 315 p.
3. Hocking B., Melissen J. (eds.). Diplomacy in the Digital Age. The Hague: Clingendael Institute, 2015. 220 p.
4. Хелд Д., Макгрю Э., Голдблатт Д., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика и культура. Москва: Праксис, 2004. 592 с.
5. Цыганков П. А. Теория международных отношений. Москва: Гардарики, 2003. 590 с.
6. Иноятов Ш. М. Внешняя политика Узбекистана: приоритеты и механизмы международного сотрудничества. Ташкент: Ўзбекистон, 2019. 240 с.
7. Толипов Ф. С. Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии: политико-дипломатические аспекты. Ташкент: Университет, 2018. 200 с.